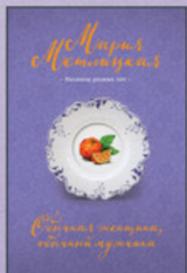


Мария Метлицкая

Такова жизнь



Часть сборника
Обычная женщина, обычный
мужчина (сборник)



Мария Метлицкая

Такова жизнь

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22026821

Обычная женщина, обычный мужчина : [сборник] / Мария Метлицкая:

Э; Москва; 2016

Аннотация

«Мы знаем друг друга сто лет. Или больше. Знаем друг про друга даже то, что, в общем-то, ни к чему.

Мы сидим на балконе в ее парижской квартире и пьем красное вино 2003 года. У нас есть тема: Катькина дочь Алька выходит замуж. Впрочем, темы у нас есть всегда...»

Мария Метлицкая

Такова жизнь

© Метлицкая М., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Мы знаем друг друга сто лет. Или больше. Знаем друг про друга даже то, что, в общем-то, ни к чему.

Мы сидим на балконе в ее парижской квартире и пьем красное вино 2003 года. У нас есть тема: Катькина дочь Алька выходит замуж. Впрочем, темы у нас есть всегда.

Итак, Алька выходит замуж. Да еще за кого – за графа! Событие эпохальное, что говорить. Мы ждем Альку, а пока ее нет, обсуждаем жениха и будущих родственников. А там есть что обсудить. Граф-папа, графиня-мама. Родственники. Катька хрипловато смеется: семейка давно обеднела, но изо всех сил стараются держать «лицо» – семейный замок, балы, приемы... Заодно папа служит нотариусом, а мама держит свой магазин.

Сын, он же графский отпрыск и будущий муж, хорош собой (даже слишком, говорит Катька), прекрасно воспитан и изыскан. Все от него без ума, считается, что Альке крупно повезло.

Катька посмеивается, щурит от солнца свои прекрасные бирюзовые глаза, закидывает голову и смахивает рукой набежавшие на лицо волосы. Знакомые жесты. Я смотрю на Катьку и понимаю, что ближе человека на земле нет.

Распахивается входная дверь, и на пороге появляется Алька. Она бросается ко мне, и мы долго обнимаемся. Она целует меня по-парижски – три раза, не снимая пальто, плюхается в плетеное кресло и начинает громко верещать. Я смеюсь над ее акцентом и люблюсь ею.

Глядя на Альку, я постигаю каноны современной красоты. У Альки узкое лицо, высокие скулы, чуть узковатые и удлиненные к вискам глаза, широковатый короткий нос и крупный, слишком крупный, красивый рот. Из-за этого рта Катька называет дочь «Буратино». Алька очень высока и, конечно же, худа как щепка, словом, вылитый Тьерри, Катькин муж. Алька окончила Сорбонну и не раз побеждала на каких-то конкурсах красоты типа «Мадемуазель Сорбонна» и еще что-то там подобное. Она еще и модель, ее снимают для каких-то журналов, и на улицах Парижа висят постеры с Алькой, где она рекламирует коричное печенье.

Она смешно коверкает слова, пьет зеленый чай и ругает мать за то, что та много курит. Интересуется моей жизнью и моими детьми – и я вижу, что ей это действительно интересно.

Алька порывиста, и у нее немного резкие движения, и, несмотря на свои двадцать, она все еще немного напомина-

ет подростка. Она показывает мне эскизы свадебного платья – что-то изысканное кремовое, тонкие кружева и атласные ленты. Мы бурно обсуждаем платье, спорим из-за всякой ерунды и даже слегка ругаемся. Потом Алька показывает фотографии своего Гийома – и я вижу прекрасное, тонкое и умное лицо ее жениха. Почему-то я плачу, и Алька нежно меня обнимает.

Так мы сидим час или два, и нашу идиллию прерывает пришедший Тьерри, Катькин муж и, соответственно, Алькин отец.

Алька бросается к отцу на шею, и они уходят в его кабинет. Катька загадочно и счастливо улыбается. Мы молчим и все понимаем.

Я думаю о том, что в жизни, слава богу, есть справедливость. Всеми своими бедами и горестями Катька давно расплатилась по счетам, даже с лихвой, и сейчас наконец может расслабиться и наслаждаться жизнью. Она замужем за прекрасным человеком, у нее чудная дочь, квартира в шестнадцатом округе и неплохой счет в банке.

– Алька чудесная, – говорю я.

Катька кивает.

– Знаешь, она такая искренняя и живая, – продолжаю я. – Настоящая, в общем.

Катька счастливо прикрывает глаза.

– А как у тебя с Тьерри? – спрашиваю я.

– Ты не поверишь, – отвечает она, – но все по-прежнему

здорово. Словно не прожита жизнь длиною в двадцать лет. Я по-прежнему скучаю по нему. Представляешь?

Катька наклоняется ко мне и тихо шепчет:

– И там у нас тоже все здорово. Все еще интересно. Ты можешь себе такое представить?

Катька откидывается в кресле и смеется. И я вижу, что она действительно счастлива. Тьфу-тьфу-тьфу. Дай ей бог, она так этого заслужила!

Потом Катька уходит на кухню кормить мужа. Возвращается Алька. Она уже без пальто, но кутается в плед – на улице ранний октябрь, еще тепло, но к вечеру свежеет.

– Я такая мерзляка! – смеется Алька. Она берет мою руку в свои и кладет голову мне на плечо.

– Любишь его? – спрашиваю я.

Алька долго молчит. А потом пожимает плечом и тихо шепчет:

– Я не знаю.

Она опять молчит, а потом резко встает и тихо говорит:

– Понимаешь, я не знаю. Я вообще не знаю, что это. Или мне кажется, – сомневается она. – Он, конечно, хороший, нет, он прекрасный. Но, понимаешь, я не дрожу, когда он берет меня за руку.

Алька смотрит на меня и явно чего-то ждет.

Я осторожна. Боюсь навредить.

– А ведь должно быть так, чтобы я дрожала, а? Или нет? – сомневается она. – Ну, знаешь, как в книжках, ты меня по-

нимаешь?

Я молча киваю.

– И иногда я думаю, что вот проживу с ним целую жизнь и ни разу, слышишь, ни разу меня не будет колотить от его прикосновений. Разве это правильно?

Она смотрит на меня во все глаза, и в них я вижу тревогу и сомнения. Что я могу сказать? Я бормочу что-то о том, что семейная жизнь – это совсем другое, как важны корни, устои, семья, традиции....

– Не ври! – строго говорит она. И я чувствую себя полной идиоткой.

Катька зовет нас ужинать. Стол накрыт в столовой. Темная старинная мебель, кое-где изъеденная жучками, камин, желтый шелк гардин, мягкие уютные кресла, торшеры с приглушенным светом. Стол накрыт по-русски: грибочки, пирожки, борщ, баранья нога.

Алька снова весела, Тьерри сдержан и любезен, а Катька подкладывает мне в тарелку утиный паштет и мажет хрупкий багет деревенским маслом.

– Боишься, что похудею? – смеюсь я.

Их семейке это точно не грозит.

Мы опять пьем вино, болтаем обо всем, а за окном живет своей жизнью лучший из городов – прекрасный Париж.

* * *

Все лето мы живем на даче. Нас привозят в мае, даже если еще не очень тепло и льют дожди. Дети должны дышать воздухом. Это незыблемо.

Наши семьи – соседи по даче. У нас общий забор. Я живу с бабушкой и дедушкой, Катька – тоже. Но по субботам ко мне приезжают родители, папа и мама. К Катьке не приезжает никто. Отца у нее нет – был, да сплыл, говорит Катькина бабушка, а мать «в бегах» – это тоже слова бабушки. Что такое «в бегах», я не очень понимаю, но по обрывкам подслушанных разговоров узнаю, что Катькина мать сбежала с «очередным хахалем». Куда-то далеко, на Север.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.